

***Константин Морозов: Нужно научиться понимать мир
российского революционера***

Книга Григория Семёновича Кана, посвящённая Наталье Климовой, поражает двумя вещами. Во-первых, за филигранной прописанностью деталей и сюжетов, за потрясающей документальной фундированностью исследования угадывается гигантский и кропотливый труд автора. Любой историк, имеющий опыт работы в архивах, легко представит, какая огромная поисковая работа была проведена автором во многих отечественных и зарубежных архивах. Бесценны и свидетельства родственников Климовой, у которых автор взял интервью. Эта книга соединила в себе и исследование, и документальное приложение, составленное и откомментированное с не меньшей тщательностью и любовью, чем монография. Вместе они составляют единый, достаточно органичный комплекс как источников самого разного происхождения, так и весьма любопытных и, как правило, очень глубоких авторских суждений и размышлений.

Во-вторых, книга дышит искренним личным интересом и сочувствием, сопереживанием автора своей героине. Можно долго спорить о том, должен ли историк отстраняться от своего героя, надевая маску (или броню) «беспристрастной объективности» или же ему и не следует скрывать неравнодушия к своему герою. Опыт показывает, что у увлечённых, горящих интересом к своему герою авторов книги получаются лучше, ярче, интереснее, тогда как исследователи, заявляющие о своей научной объективности и отстранённости, нередко проявляют крайний субъективизм и ненаучность. Так или иначе, монография Кана читается на одном дыхании, от неё буквально трудно оторваться.

Но стоило ли автору тратить многолетние усилия на изучение биографии именно Н. Климовой? Не лучше ли было сосредоточиться, например, на судьбе лидера максималистов и их Боевой организации – легендарного М.И. Соколова? Так, один из коллег-историков всерьёз высказывал недоумение, зачем делать сборник документов о В.Н. Рихтере, стоявшем в эсеровском руководстве в третьей–пятой шеренге, когда ещё не написаны книги о таких деятелях, как М.А. Натансон, и писать книгу о Наталье Климовой, которая после кратковременного участия в революционном движении ушла в личную жизнь и, по его словам, «стала рожать, как кошка»? Грубость и категоричность подобного суждения, конечно же, вызывает неприятие. Человеческие качества и богатство внутреннего мира тем самым как бы сразу выносятся за скобки как нечто для историка неважное, второстепенное. По этой логике нужно рассматривать функционал и влияние на события лидеров партии, а каковы были их убеждения и нравственные поиски, уже не суть важно.

Но как без Н. Климовой и В. Рихтера (и сотен, и сотен других) можно понять российских революционеров начала XX в., многие из которых были настоящими детьми Серебряного века, со всеми его противоречиями? То, что они не стояли в первых шеренгах партийной иерархии, не делает их менее важными и интересными. Это ведь только обыватель считает, что чем более высокий пост занимает человек, тем он значительнее, в том числе и как личность. Однако история (да и современная жизнь) подобные упрощённо-примитивные представления в огромном большинстве случаев безжалостно развенчивает.

Вызывает неприятие и нередко встречающееся своеобразное высокомерие историков, не только сортирующих своих героев, но и снисходительно похлопывающих их по плечу или выносящих им безапелляционные приговоры, самовольно присвоив себе право быть судьёй. А, собственно, по какому пра-

ву? Ведь даже революционеры, которые по крайней мере своим сидением в тюрьмах и ожиданием смертного приговора получили моральное право судить своих товарищей, уходивших в личную жизнь после поражения первой российской революции и разоблачения Азефа, как правило, воздерживались от запугивающих и резких высказываний о них, не одобряя их решение, но признавая за ними право на такой выбор. Насколько же вправе историк судить и обвинять своих героев вместо исследования их жизни? Вспоминаются слова учителя Мельникова (героя В.В. Тихонова из фильма «Доживём до понедельника»), говорившего о том, что почитав учебник, написанный такими историками, ругающими деятелей прошлого за то, что они это не поняли, это недооценили, остаётся впечатление, будто историю делали одни двоечники!

Между тем перед вдумчивым и заинтересованным исследователем раскрываются человеческие миры и тончайшие переживания людей, их радости и печали, их «проклятые вопросы», которые они задавали и миру, и себе и на которые они успешно или безуспешно пытались найти ответы. Как без понимания их ментальности, их радостей и печалей, их символов веры, их побед и их ошибок и поражений можно понять российское революционное движение, которое не есть что-то отдельное и отстранённое от этих людей (и от людей вообще)? Без этого остаётся лишь рисовать схемы и «типичные портреты», рассуждать о «девиантном поведении» или психическом нездоровье, стремлении к самоубийству, но это не приведёт к пониманию истинных черт и мотивов революционеров.

От набивших оскомину попыток создания одного «типичного портрета» революционера давно уже пора отказаться! Пора уже признать, что таковым не может считаться ни Нечаев, ни Бакунин, ни Лавров, ни Ткачёв, ни Желябов, ни Перовская, ни Фигнер, ни Плеханов, ни Ленин, ни Троцкий, ни Сталин, ни Созонов, ни Чернов, ни Савинков, ни Каляев, ни Мартов и т.д. Даже если брать не всё революционное движение за почти вековой период его существования (если учесть, что эсеровская и меньшевистская эмиграция просуществовала до 1950–1960-х гг.), а только одну его часть, например, членов Боевой организации ПСР, действовавшей 10 лет и включавшей в себя около сотни членов, то и здесь можно увидеть такое разнообразие характеров и ментальностей, очень часто не сводимых к одному общему знаменателю, что попытка вывести «средний», «типичный портрет» члена БО – заставит только улыбнуться. Что же говорить про всех эсеров-террористов, членов многочисленных и разношёрстных боевых отрядов, групп и дружин.

С другой стороны, эти различия не стоит и абсолютизировать, доводя до абсурда. Г.С. Кан совершенно прав, когда отмечает, как много схожего было в характерах и мировосприятии Н. Климовой и Б. Савинкова. Это действительно так. И это важно, ибо нужно уже преодолеть созданную ещё современниками традицию рисовать Б.В. Савинкова неким случайным человеком в эсеровской партии, скатившимся до богоискательства и «оплёвывывания» революции в своих произведениях «Конь бледный» и «То, чего не было (Три брата)»³¹.

³¹ Подробнее см.: Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 г. Предисловие и публикация М.А. Колерова и К.Н. Морозова // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 138–142; Б.Н. Савинков и Боевая Организация ПСР в 1909–1911 / Публ. К.Н. Морозова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 243–314; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; *он же*. Поиски ответов на «проклятые вопросы» этики и богоискательство в эсеровской среде в межреволюционный период (июнь 1907 г. – февраль 1917 г.) // Интернет-журнал «Махаон». 1999. №2 (март–апрель) (<http://krotov.info/history/20/1900/1907moro.html>)

«В партии, – отмечал В.М. Зензинов, – было принято считать Савинкова человеком, лишь ищущим острых впечатлений жизни, некоторые называли его “спортсменом революций”, “кавалергардом революций”..., считали его чуть ли не бреттёром, который любит рисковать своей жизнью. Савинков ряздился порой в тогу мистика..., утверждал, что – морали нет, есть только красота; ...И многие верили тому, что таков был действительно символ веры Савинкова. Но это было не так. Это были только слова, форма, в которую Савинков ряздился. ...Чувство товарищества было для Савинкова в самом деле святым. Сколько раз он это доказал на деле, когда на карту приходилось ставить собственную жизнь! Настоящий Савинков не походил на того, каким он себя показывал посторонним»³². М.М. Чернавский, член БО ПСР в 1909–1911 гг., лучше всех отметил противоречивую природу его натуры: «Основная особенность Савинкова: человек двуликий (не двуличный, а двуликий). В нём жили два различных человека. Двуликость (извиняюсь за неуклюжесть термина) явление не редкое. Обычно два различных человека, уживающихся в одном лице, вырабатывают известный *modus vivendi*, который несмотря на значительные между ними разногласия, позволяет им существовать бок-о-бок без больших трений. У Савинкова такого *modus*'а не получилось, вследствие резких расхождений. Два человека, жившие в нём, вели между собою постоянную борьбу, которая всё обострялась»³³. Именно этим обострением борьбы в Савинкове двух разных людей и объяснялось сочетание в нём несочетаемого: до 1917 г. – террорист и писатель, сомневающийся в возможности пролития крови, после 1917 г. – активнейший борец с Советской властью и писатель, вновь сомневающийся в том, что делает его *alter ego*, а затем и признающий на суде в 1924 г. Советскую власть.

Но подобные же противоречивые метания из крайности в крайность мы видим и в жизни Натальи Климовой. Парадоксальным образом Савинкова отталкивали в ней как раз те черты характера и особенности поведения, которые отталкивали многих революционеров от самого Савинкова – самолюбие, самолюбование, противоречивость, склонность к рефлексии, выставляемой напоказ и скатывающейся к мелодраматизму и т.п. Впрочем, к осложнению взаимоотношений между ними могли привести и чувства личного порядка, которые просматриваются в их переписке. Поддерживая Савинкова, подвергшегося травле за книгу «Конь бледный», видный народоволец и эсер Л.Э. Шишко писал ему: «Вы несомненно – детище тех же самых скорбей и радостей, тех же самых проклятий и идеалов, которые были вложены и в наши души»³⁴. Можно сказать, что и Климова, и Савинков – плоть от плоти рефлексирующей и ищущей выхода из противоречий своего времени русской интеллигенции Серебряного века, тонко чувствовавшей, но постоянно сомневавшейся в правильности выбранного пути.

Исследователям нужно научиться понимать мир и субкультуру российских революционеров, возникшую в результате внутренней самоорганизации этих людей, создавших себе нормы и границы как должного, так и недолжного поведения во всех сферах человеческого общежития, а также заложивших

³² Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 301–302.

³³ Чернавский М.М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 8–9. С. 50.

³⁴ Цит. по: Городницкий Р.А. Три стиля руководства Боевой организацией партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России XIX – начале XX в. Материалы конференции/. Сост. К.Н. Морозов. М., 1996. С. 61.

традиции, позволявшие этой субкультуре воспроизводиться и развиваться³⁵. Заслуга Г.С. Кана – в кропотливейшей реконструкции характера, ментальности, душевных поисков и терзаний Натальи Климовой, позволяющей увидеть живого человека со всеми его противоречиями и метаниями. Именно подобный путь и приведёт когда-нибудь нас к лучшему пониманию того, что из себя представляли разные революционеры в отдельности и революционное сообщество в целом.

Но при несомненных достоинствах книги в ней есть и утверждения, с которыми нельзя согласиться. В частности, автор пишет: «Но была и ещё одна сторона жизни Д.В. Высоцкого, которая скрывалась от посторонних глаз и никогда не освещалась в научной литературе. Он ненавидел царский режим, и, по свидетельству Т.И. Лещенко-Сухомлиной (ссылавшейся на своего мужа – видного эсера В.В. Сухомлина), давал “уйму денег” ПСР. Не только в Москве, но и в Центральном комитете (ЦК) этой партии в разное время на ключевых позициях находились родственники Давида Высоцкого или лица, близкие к ним. Помимо уже упоминавшихся А.Р. Гоца и Фондаминского, это был М.Р. Гоц (старший брат А.Р. Гоца) – один из лидеров ПСР в 1902–1905 гг. Ещё четыре племянника Давида Высоцкого – братья Б.О., Д.О., Я.О. Гавронские и М.О. Цетлин – активно участвовали в деятельности партии. Все они жертвовали ПСР большие суммы и, очевидно, делали это не без ведома дяди, а возможно, и по его прямому указанию. Немалая часть этих денег шла на финансирование эсеровского террора, тем более что братья Гоц сами были активными членами Боевой организации (в дальнейшем – БО) ПСР. Я.О. Гавронский в 1906 г. руководил железнодорожными боевыми дружинами при Петербургском комитете ПСР, которые в случае вооружённого восстания должны были взрывать мосты, приводить в негодность сооружения, защищать митингующих, оказывать сопротивление войскам. Планировалось и совершение экспроприаций. Один из арестованных дружинников – А.-Б. Шах-Тахтинский – в показаниях от 16 октября 1906 г. сообщает совсем уже поразительный факт: Я.О. Гавронский просил писать ему по боевым делам прямо на адрес фирмы Д.В. Высоцкого в Петербурге, лишь выделяя одно из слов крупными буквами. Создается ощущение, что грань между компанией «чайного короля» и ПСР являлась очень зыбкой, если вообще существовала» (с. 22–23).

Это очень серьёзное заявление – настоящий подарок любителям поиска жидомасонских заговоров и создателям конспирологических теорий. В книгу о Климовой данный сюжет вставлен довольно искусственно: в 1905 г. Наталья Сергеевна переезжает из Петербурга в Москву, где бурную деятельность развернула ПСР, среди руководителей которой были и родственники «чайного короля». Д.В. Высоцкий действительно давал деньги ПСР, но давал их не он один. И ПСР, и РСДРП (да и другим партиям) давали деньги люди разного национального и социального происхождения и статуса. При этом сам факт передачи денег ещё вовсе не предусматривал возможности управлять нелегальной (да и легальной) партией. Тот же Савва Морозов давал деньги большевикам. Но кто скажет, что он ими манипулировал? Скорее уж наоборот!

Наличие родственников Д.В. Высоцкого в руководстве ПСР только на первый взгляд указывает на его влияние в партии. Это, возможно, и было бы так,

³⁵ См.: *Морозов К.Н.* Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры русского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX века) // *Социальная история: Ежегодник. 2011. СПб., 2012.*

если бы М.Р. и А.Р. Гоц, братья Б.О., Д.О. и Я.О. Гавронские и М.О. Цетлин вели себя как послушные бедные еврейские мальчики, не смевшие перечить богатому родственнику. Но ведь они не зависели от денег Высоцкого – их семьи сами по себе были вполне состоятельны. Часть из них, как братья Гоц, взбунтовались против обывательской атмосферы своих семей. Ни письма и мемуары М.Р. Гоца, ни письма А.Р. Гоца не дают ни малейших оснований считать, что, жертвуя ПСР деньги, они «очевидно, делали это не без ведома дяди, а возможно, и по его прямому указанию». Собственно, почему все вышеназванные лица должны были жертвовать деньги своих родителей с ведома дяди, а тем более «по его прямому указанию»? И вообще странно думать, что люди, пошедшие наперекор всему в революцию, будут слепо повиноваться богатому родственнику.

Кроме того, Г.С. Кан несколько преувеличивает значение свидетельства А.-Б. Шах-Тахтинского, представляющее собой не что иное, как «откровенные показания», данные на допросе жандармам. Степень их достоверности весьма сомнительна. Можно ли утверждать, что это свидетельство не было подсказано самими жандармами, которые, безусловно, могли быть заинтересованы в компрометации Д.В. Высоцкого? С другой стороны, даже если эти показания верны, стоит ли преувеличивать их значение? В то время многие оказывали услуги революционерам, служа «почтовыми ящиками», предоставляя квартиры для конспиративных встреч и т.д., и т.п.

Опять же не следует преувеличивать значение боевых дружин железнодорожников при Петербургском комитете ПСР, которыми руководил Я.О. Гавронский. О «боевых делах» подавляющего их большинства всерьез говорить не приходится. «Нельзя не отметить, – свидетельствовал представитель Петербургской организации ПСР на III Совете партии в июле 1907 г., – и того нежелательного явления, которое имелось в очень многих районных дружинах, я говорю о некоторых фактах, имевшихся в гор. Питере – напр., районные дружины совершали частные экспроприации, в некоторых районах было растеряно много оружия и даже были случаи растраты этого оружия, частые провалы. (Было закуплено оружия на 30 тыс. рублей, а к июлю 1907 г. осталось около 30 револьверов. – *К.М.*³⁶). На основании только что изложенных фактов ПК – боевые дружины были распущены и остатки оружия были... переведены в особые склады»³⁷. Ошибкой было бы отождествлять все подобные «боевые дружины» с серьезными террористическими структурами ПСР, подобными Боевой организации или Северной летучке.

В целом же революционная нелегальная партия – это весьма сложное явление. Она сильна в значительной степени своей идеологией. Но как повлиял на неё Д.В. Высоцкий или его родственники (даже если верить тому, что они послушно выполняли его волю)? Даже М.Р. Гоц, который, безусловно, был одним из влиятельнейших руководителей ПСР, не оказал серьезного воздействия на формирование её идеологии, которая его мало интересовала, так как он был до мозга костей организатором. Про других и говорить не приходится.

Наивно также думать, что руководители подпольной партии, где многое держится на нормах субкультуры российского революционного сообщества, всемогущи и всевластны. Несомненно, партийный центр порой пытался сверху регламентировать жизнь партии, стремился к её централизации, но эти по-

³⁶ МИСИ. Архив ПСР. 144.

³⁷ МИСИ. Архив ПСР. 145.

пытки очень серьёзно сдерживались и неизжитым обычным правом, которое приходилось учитывать членам ЦК, и слабостью самого центра, и отсутствием необходимых возможностей, сил и средств для превращения малочисленных, почти автономных, глубоко законспирированных организаций в централизованную, дисциплинированную партию. К тому же степень приверженности идеям централизации у эсеровского руководства (да и в самой партии) была в целом неизмеримо слабее, чем, скажем, у большевиков. Идеал «ордена меченосцев» был чужд эсерам, скорее ориентированным на германскую социал-демократию, конечно, с учётом суровой российской специфики. Не случайно у эсеров не было единого харизматического вождя, а существовала группа лидеров из 4–5 человек, выступавших в роли своеобразного «коллективного лидера». У отдельных членов руководства ПСР имелись авторитарные замашки, но всем им приходилось считаться с традициями и вольнолюбием эсеровской среды. Очень показателен пример Е.Ф. Азефа, обладавшего крупным организаторским талантом и склонного к жёстким, авторитарным методам работы. Но даже он, при всей своей властности, не командовал членами БО, да и не мог бы этого сделать при всём своем желании. По авторитетному свидетельству Савинкова, Азеф напоминал капитана корабля, не выходящего из своей каюты, общавшегося с командой через старшего офицера (Савинкова), связанного дружбой со многими из её членов. В результате ни одно из принципиально важных решений не принималось, не будучи обсуждено всеми членами организации, рассматривавшими её как своего рода «братство» и «семью».

Но если это было применимо к БО, которая по своей дисциплинированности, несомненно, превосходила любую из партийных организаций, то на местах авторитарные устремления любого руководителя встречались в штыки. И появление «московской оппозиции», выросшей из недовольства районных организаций некоторым недемократизмом и авторитарностью членов Московского комитета (по крайней мере, так это трактовалось её лидерами, отличавшимися ярко выраженным волевым темпераментом и не находившими общего языка с интеллектуалами МК) отнюдь не случайно. Разумеется, это вовсе не означало, что в ПСР не было проблем с взаимоотношениями «партийных верхов и низов». Однако «партийное общественное мнение» очень бурно ограничивало возможности для произвола вождей, и исключало превращение партии в вотчину кого бы то ни было. Вообще же представляется, что данный сюжет требует не двух абзацев текста, а серьёзного полноценного исследования.

Вызывает недоумение и доверие Г.С. Кана к заключению полицейских экспертов, согласно которому взрыв бомбы из ридикюля максималистки Т. Принц «привёл бы к разрушению половины здания (дворца командующего войсками Одесского военного округа. – *К.М.*) и гибели многих посторонних людей, но Соколова, как обычно не смущали лишние жертвы» (с. 44). Каков должен был быть вес бомбы, начинённой, скорее всего, самодельным (относительно слабым) или даже фабричным динамитом, чтобы она могла разрушить половину дворца? Даже не зная параметров дворца, с трудом верится, что такая бомба поместится в дамский ридикюль. Обратим внимание, что дачу Столыпина (не дворец!) максималисты взрывали тремя бомбами по 6.5 кг каждая, т.е. суммарным весом в 19.5 кг. Так или иначе, у Т. Принц была всё же довольно тяжёлая бомба. Выйдя из гостиницы, она уронила ридикюль, но так как бомба стояла на предохранителе, взрыва не последовало, раздался треск, повалил густой дым, который заметили полицейские. Принц, осознавая, что это провал, бросилась

обратно в гостиницу и застрелилась. «Почему Тамара Принц выронила бомбу? – спрашивает себя автор. – Была ли это просто случайность, вызванная нервным напряжением, или обескураженная тёплым обращением Каульбарса во время предыдущих встреч, девушка не захотела убивать ни его, ни других лиц во дворце? Неизвестно» (с. 44).

Казалось бы, чего проще – девушка выронила сильно перегруженный ридикюль, который ей к тому же нужно было нести легко, чтобы не привлекать внимание полиции³⁸. Возможно, и волнение сыграло свою роль. Но где основания для предположения, что Т. Принц не захотела убивать А.В. Каульбарса? Тот факт, что уронила бомбу, стоящую на предохранителе? Почему не отказалась от покушения, почему не заявила товарищам, почему не ушла из Боевой организации-максималистов? Почему, в конце концов, не застрелилась? Трудно поверить в то, что это было не случайностью, а сознательным действием.

Вместе с тем, несмотря на отдельные чрезмерно размашистые выводы автора, не подкреплённые фактами и не учитывающие всей сложности описываемого явления, книга Г.С. Кана является знаковой и эталонной. Она, безусловно, удалась и в своей монографической части, и в части публикации собранных им документов. Она ставит весьма высокую планку того, с какой тщательностью, вниманием и глубоким интересом к своему герою нужно создавать биографические исследования, составлять и комментировать документальные приложения. Последнее не менее важно, так как среди части историков до сих пор не изжит взгляд на публикацию документов как на значительно более простое дело, чем написание статьи и монографии. Это, конечно, верно, если публикаторы пренебрегают археографическими требованиями, «экономят» на комментариях, прикрываясь словами о самоценности и самодостаточности источников. Однако подготовить качественную публикацию порой сложнее, чем авторский текст, так как хороший публикатор не может пройти мимо тех имён и событий, о которых он ничего не знает, но тем не менее должен их прокомментировать. Только немногим известно, какой труд порой скрывается за нахождением всего лишь даты рождения или смерти, за реконструкцией того или иного события или написанием краткой биографической справки по архивным материалам!

Сергей Куликов: Наталья Климова – богиня и жертва террора

Изучение терроризма (как антигосударственного, так и государственного) в последние века и особенно десятилетия приобрело крайнюю актуальность, несмотря на то, что история террора уходит в древность: библейская Юдифь, античные тираноборцы и средневековые монархомахи или... византийский император Василия II Болгароктон, приказавший ослепить 15 тыс. пленных болгар. И всё же именно Новое время, с его кровавыми и «бескровными» революциями, последствия которых ощущаются до сих пор, предельно обострило проблему цены воплощения религиозных, политических, социальных, национальных, экономических и прочих утопий, потребовавших (и требующих ещё!) принесения в жертву человеческих жизней, не важно – сотен, тысяч или миллионов. Но несмотря на свою злободневность, террор, особенно в России

³⁸ Большевичка Е. Стасова делала хитрее: она всегда и повсюду носила с собой пустой, но набитый газетами портфель, заслужив у филеров кличку «Девушка с портфелем», имитируя его тяжесть, что позволяло ей потом естественно носить его набитым прокламациями» (Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. Изд. 3. М., 1988. С. 38–41).